

УДК 82-32

БЕЛЛЕТРИСТИКА Н.А. НЕКРАСОВА В СВЕТЕ ЭЙХЕНБАУМОВСКОЙ КОНЦЕПЦИИ «МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

ШПИЛЕВАЯ Галина Александровна,

доктор филологических наук, профессор кафедры теории,
истории и методики преподавания русского языка и литературы,
Воронежский государственный педагогический университет

АННОТАЦИЯ. В своей статье автор пытается ответить на вопрос о взаимодействии так называемой «массовой литературы» и художественной словесности на основе анализа творчества Н.А. Некрасова.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: «массовая литература», неканонизированная литература, беллетристика, образ «тонкого человека», образ «неплательщика».

SHPILEVA G. A.,

Dr. Philolog. Sci., Professor of Department of theory,
history and methodology of teaching Russian language and literature,
Voronezh state pedagogical University

N. A. NEKRASOV'S FICTION IN THE LIGHT OF EICHENBAUM'S CONCEPT OF «MASS LITERATURE»

ABSTRACT. In his article the author tries to find the answer to the question of the interplay between the so-called "mass literature" and art literature based on the analysis of Nekrasov's works.

KEY WORDS: bulk literature, non-canonized literature, fiction, the image of "the slender man", the image of "deadbeat".

Изучение «массовой литературы», как известно, является одной из наиболее острых и актуальных проблем современного литературоведения.

Один из дискуссионных – вопросов: способна ли беллетристика и тем более «массовая литература» каким-либо образом воздействовать на высокую художественную литературу (развиваться параллельно с ней, превосходить ее открытия), или ее удел – повторять, ухудшать, снижать то, что уже появилось в высокохудожественных произведениях.

На этот счет существуют различные мнения. Одно из них принадлежит Ю.М. Лотману, который в статье «Массовая литература как историко-культурная проблема», анализируя труды А.Н. Пышина, С.А. Венгерова, В.В. Синявского, А.Н. Веселовского, отмечал большой вклад перечисленных ученых в дело изучения «массовой культуры». По мнению Ю.М. Лотмана, интерес к «низовой литературе» возник «... как противодействие романтической традиции изучения "великих" писателей, изолированных от окружающей их эпохи и противопоставленных ей» [1, с. 380].

Ю.М. Лотман предполагал изучать «массовую литературу» как «... упрощенную, сведенную к средним нормам картину литературы эпохи, на основании которой легче всего строить средние исследовательские модели вкуса, читательских представлений и литературных норм» [1, с. 383].

Говоря об обновлении интереса к «массовой литературе» в работах советских литературоведов 1920-х гг. (В. Шкловском, Б.М. Эйхенбауме, Ю.Н. Тынянове), Ю.М. Лотман считал некоторым преувеличением полагать, что неканонизированная

литература давала «резервные средства» [там же] узаконенной литературе.

Признавая неоднородность произведений «массовой литературы», Ю.М. Лотман все же говорит о заблуждениях литературоведов 1920-х гг., полагавших, что «... творчество этих писателей можно рассматривать в качестве самобытного выражения народной культуры» [там же]: «Эти писатели-авторы произведений, принадлежащих к "массовой литературе"».

Одним из глубоких и последовательных исследователей «массовой литературы» и беллетристики был Г.А. Гуковский. В поле зрения выдающегося ученого попала «подпольная поэзия» 1770–1800-х гг., произведения Г. Симоновского, Ф. Булгарина, О. Сенковского и многих других.

Особый интерес у Г.А. Гуковского вызывала беллетристическая проза Н.А. Некрасова, пришедшего «... в литературу налегке, без груза истории, без воспоминаний о канонах классических школ, без страха погрешить против вкуса салонов и авторитетов, без рефлексии падающей культуры литературных аристократов» [2]. Будущий великий русский лирик, начиная свой писательский путь, «... не видел того, что делалось на вершинах литературы, оставаясь внизу ее, – и в этом его спасение, потому что литература вершин доживала свой век, а литература низов начинала заявлять о своих правах» [там же]. Как видно, Г.А. Гуковский на примере прозы молодого Н.А. Некрасова показывает ценность «низовой» литературы в процессе обновления и революционного преобразования «книжной культуры» в целом.

Тем не менее в молодом Н.А. Некрасове Г.А. Гуковский отмечает «простодушие варвара»,

не замечающего и не знающего старой культуры, ориентирующегося на «низовую» литературу, на основе которой молодой писатель создает свою беллетристику.

На наш взгляд, наиболее объективна, оценка роли «массовой литературы» в общекультурном процессе, принадлежащая Б.М. Эйхенбауму. Заслуга этого ученого состоит в том, что отношения «массовой» и «высокой» литератур были рассмотрены им как процесс двустороннего обогащения. Б.М. Эйхенбаум отмечал, что необходимо «отличать ту массовую литературу, которая подготавливает собой образование новых жанров, от той, которая возникает в процессе их разложения и представляет собой материал для изучения исторической инерции» [3].

Исследователь, идущий вслед за Б.М. Эйхенбаумом, осознает необходимость пристального изучения беллетристики и «массовой литературы», так как это «...трансторическая, универсальная ценностная категория, необходимая для нормального функционирования литературы в целом» [4]. Другой современный исследователь говорит о беллетристике как о явлении, чей «ценностный статус определяется повышенной значимостью "человеческого элемента", имеющего глубокие просветительские корни...», так как беллетристика общедоступна [5]. Рассматривая некрасовскую прозу, под указанным углом зрения, тот же исследователь подчеркнул, что будущий великий поэт в своей беллетристике широко использовал «осколки чужого творчества», но при этом создал свою оригинальную «идею о мире» [там же].

Прозаическое наследие Н.А. Некрасова, действительно, представляет собой уникальный материал для изучения законов развития беллетристики и «массовой литературы», процессов взаимодействия «высокой литературы» с произведениями иного эстетического ряда.

Создавая свой незаконченный роман «Тонкий человек, его приключения и наблюдения» (1853–1855 гг.), Н.А. Некрасов помещает в нем драматическую сцену «За стеной», которая своей стилистикой, типом конфликта, фабулой напоминала пьесу А.Н. Островского «Свои люди – сочтемся». Исследователи рассматривали мини-пьесу Н.А. Некрасова как подражание указанному произведению А.Н. Островского, пока не выяснилось, что в 1845 г было опубликовано «Письмо от купца к купцу». Это беллетристическое комическое произведение Н.А. Некрасова легло в основу сцены «За стеной», а комедия А.Н. Островского появилась в 1847 г.

Нет ничего удивительного в том, что Н.А. Некрасов и А.Н. Островский почти одновременно создали сходные произведения, ведь оба художника останавливались на одних и тех же постоянных дво-

• *Научное наследие Б.М. Эйхенбаума в современном литературоведении* рах, слышали одни и те же истории, читали одни и те же журналы. Однако важно то, что беллетристическое произведение Н.А. Некрасова появилось на два года раньше пьесы А.Н. Островского, относящейся к высокохудожественной литературе. Этот факт позволяет говорить об одновременности процессов, происходящих на разных ступенях литературной «вертикали».

В упомянутом романе Н.А. Некрасова, произведении незаконченном и эклектичном, создан образ «тонкого» человека, который, с одной стороны, может быть соотнесен с «лишним» человеком (столь широко представленным в русской литературе XIX века), а с другой – с «неплательщиком» (интеллигентным разночинцем или дворянином, являющимся должником по отношению к своему народу).

Без образа некрасовского «тонкого» человека в русской характерологии второй половины XIX века возникает «белое пятно» и остаются неясными многие черты характера «неплательщика», широко представленного в очерках Г.И. Успенского, творчестве А.П. Чехова, рассказах А.Л. Востром и многих других писателей.

Некрасов-прозаик не скрывал того, что он учился у В. Нарезного и Н. Гоголя, Ж. Жанена и Э. Сю. Об этом писатель упоминал в своих прозаических произведениях, откровенно «обнажая прием» (используем терминологию В. Шкловского). Однако налицо и обратный ход некрасовских образов – к «высокой» литературе.

Каждый внимательный читатель, хорошо знакомый с творчеством Н.А. Некрасова, не может не заметить влияния ранней лирики и прозы писателя на его зрелую поэзию. Присутствие в поздних стихотворениях Н.А. Некрасова образов из сборника «Мечты и звуки» (1840 г.), из ранних романтических рассказов, из беллетристики 1850-х годов свидетельствует о тесной взаимосвязи высокохудожественных произведений и подражательно-ученических. «Тройка», «Вино», «Последние элегии» несут в себе следы ранних стихотворений «Изгнанник», «Моя судьба», прозаической «Повести о бедном Климке».

Н.А. Некрасов из своих ранних эпигонских стихотворений и прозаических произведений перенес в зрелую лирику не только сюжетные модели, но и художественные приемы, открытые им в начале творческого пути (несовершенство действия, отказ от намеченного шага, соотнесение мечтаемого и совершенного), что подтверждает единство процессов всей «вертикали» культуры.

Таким образом, даже «проходные», казалось бы, замечания Б.М. Эйхенбаума могут служить основанием для новых концепций и теоретических раздумий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Лотман Ю.М. Массовая литература как историко-культурная проблема. Избранные статьи : в 3 т. Т. 3. / Ю.М. Лотман. – Таллинн, 1993.
2. Гуковский Г.А. Неизданные повести Некрасова в истории русской прозы сороковых годов / Г.А. Гуковский. – М.; Л., 1931. – С. 348.
3. Эйхенбаум Б.М. О литературе: Работы разных лет / Б.М. Эйхенбаум. – М., 1987. – С. 405.
4. Мельников Н.Г. Понятие «массовая литература» в современном литературоведении / Н.Г. Мельников // Литературоведение на пороге XXI века : материалы Международ. научной конференции. – М., 1998. – С. 231.
5. Вершинина Н.Л. Проблемы беллетристики как вида литературы в литературоведении 1920–1930-х годов / Н.Л. Вершинина // Литературоведение на пороге XXI века : материалы Международ. научной конференции. – М., 1998. – С. 224.